

История республиканской традиции в России

Олег Ларионов

Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья
до конца XX века. Коллективная монография/Под ред.
К. Соловьева. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 824 с.

VERSUS

ТОМ 2 №5 2022

41

В СОВРЕМЕННЫХ российских гуманитарных и социальных науках едва ли не важнейшим пространством для продуктивного междисциплинарного диалога оказываются исследования политического. Ориентируясь на одни и те же методы (в первую очередь, на историю понятий в традиции Райнхарта Козеллека и историю политических языков в духе Кембриджской школы), историки, философы, филологи стремятся соединить анализ политических теорий с реконструкцией исторических форм их бытования и повышенным вниманием к их языковому измерению. Один из самых подходящих предметов для такого рода исследований — республиканизм, предстающий и как восходящая к Античности традиция мысли, и как актуальная политическая философия, и как набор понятий, и как ряд практик политического существования. Истории проявления различных аспектов республиканизма в России и посвящено рецензируемое издание, включающее в себя работы авторов из ведущих научных и образовательных учреждений Москвы, Санкт-Петербурга и Екатеринбурга.

Сборник открывается кратким введением его редактора Кирилла Соловьева, намечающего самые общие контуры того проблемного поля, которому принадлежат раскрывающиеся далее темы: трансформация понятия республики от Античности к Новому времени; далеко не сразу возникшее противопоставление ее монархии; повсеместное распространение и инфляция этого термина в наши дни; напряжение между суггестивными символическими ритуалами и бюрократической рациональностью современного государства; зазоры между политическим воображением и теоретическими описаниями власти с одной стороны и реальными способами управления — с другой; сосуществование антиреспубликанской доминанты политической жизни с языком и практиками республиканизма на протяжении всей истории России. В первой главе, предваряющей обсуждение собственно российского материала, Александр Марей, предлагая пристальное прочтение пассажей ряда классических текстов, обрисовывает европейскую историю понятия *res publica* от Античности до XVII века. У Цицерона республика («общее дело») была естественной формой жизни народа (*populus*) и выступала основой политического объединения, предметом разумного соглашения о правилах совместного общежития. Это понимание во многом сохранилось и у Августина,

который, однако, сместил акцент с рационального на аффективное: люди объединяются через любовь к общим вещам. В Средневековье *respublica* больше не обосновывалась через народ: она стала часто представлять метафорическим политическим телом, идеальной политической формой как таковой. То понимание республики, которое было у Фомы Аквинского, уже теоретически предвосхищало современное государство и абсолютную монархию. Наконец, в XVI–XVII веках, у Франсиско де Витории, Жана Бодена, Томаса Гоббса республика (государство) окончательно отделилась от народа, стала восприниматься как что-то поглощающее отдельных людей и наделенное суверенитетом.

Вторая глава книги, написанная Павлом Лукиным, посвящена республиканской риторике в Древней Руси. Республиканизм понимается исследователем не как конкретная историческая традиция, а как абстрактная политическая конструкция, с помощью которой можно концептуализировать устройство разнообразных обществ. Анализируя летописи, договоры, иностранные свидетельства, Лукин вычленяет устойчивые формулы, свидетельствующие о том, что в Новгороде и Пскове (а отчасти даже и в других городах: Киеве, Владимире-на-Клязьме, Полоцке) существовали представления о «политическом народе» («все новгородцы», «мужи-псковичи»), обладающем свободой («вся воля новгородская») и самостоятельно управляющем своим городом. Иной подход избирает в следующей главе Константин Ерусалимский, предлагая нюансированную характеристику дискурсов и практик «общего дела» в Московской Руси. С одной стороны, применительно к Московскому царству раннего Нового времени невозможно говорить о существовании республиканского политического языка, как и вообще о наличии теоретической политической рефлексии какого-либо толка. В то же время московские элиты постоянно сталкивались с теми или иными республиканскими формами: зная о Венеции или Голландии, получая новости об Английской революции, активно взаимодействуя с Польшей и Литвой. В результате, например, эмигрировавший князь Курбский использовал республиканский язык для описания Москвы, а «в годы Смуты высшая власть приближала свое правление к польско-литовскому монархическому образцу, не нарушая самодержавной полноты полномочий, но создавая формулы коллективного правления от име-

ни *всей земли или собора*» (с. 265). Таким образом, в московской политической культуре все-таки циркулировали образы «общего дела», пусть и не достигая полноценной кристаллизации.

Четвертая глава вновь обращается к истории европейского республиканизма: Наталья Ростиславлева в общих чертах обозревает учения английских, французских и немецких мыслителей XVII — начала XX веков. В следующих главах исследуются элементы республиканской традиции в России Нового времени. Как показывают Константин Бугров и Михаил Киселев, в XVIII веке в России в полной мере усваивается европейская политическая мысль и соответствующая терминология. «Республика» иногда «могла служить универсальным понятием, определяющим суверенную политическую общность» (с. 396), однако значительно чаще она оказывалась одной из форм «государства». Попытка ограничения монархии Верховным тайным советом в 1730 году концептуализировалась участниками и наблюдателями этих событий через противопоставление республики и монархии и способствовала оформлению расхожей аргументации, утверждавшей невозможность установления республики в России. Усваивая учение Монтескье, называвшего добродетель принципом древних республик, российские авторы, однако, стремились апроприировать привлекательные образы античных нравов, отрицали их связь с коллективным правлением и равенством и считали возможным культивировать их в монархической России. Республики подвергались при этом острой критике, а распространяющиеся идеи почитания законов, добродетели и тираноборчества не ставили под вопрос саму монархическую форму правления, закладывая основы «для отечественной традиции конституционализма» (с. 398). В то же время республиканским языком начинает описываться древний Новгород, становясь значимой фигурой национального исторического и политического воображения.

Месту республиканизма в России первой половины XIX века посвящена едва ли не самая концептуально насыщенная глава всей книги, написанная Михаилом Велижевым. Автор указывает на ряд базовых исследовательских проблем: как раз в XIX веке республиканская традиция поглощается новыми идеологическими доктринами и теряет свою автономию; тем более сложно обнаружить республиканизм в России, которая всегда была периферийна

для развития этой традиции; наконец, вычленяемые разнообразными республиканскими высказывания могут вступать в противоречие с самим республиканизмом как связанной политической теорией. Преодолеть эти трудности, по мысли Велижева, может подход, рассматривающий «республиканскую теорию не только и не столько как совокупность идей или понятий, но как особый *язык говорения о политике*, с помощью которого можно сделать определенный набор утверждений и дать истолкование целому ряду исторических событий и актуальных процессов» (с. 404). При этом необходимо увидеть поливалентность республиканского языка, его взаимодействие с другими политическими идиомами, а также поместить российский случай в общеевропейскую сравнительную перспективу. Даже в теоретическом плане республиканизм фундаментально амбивалентен и в разных изводах может включать или исключать монархию, размежевываться или сближаться с либерализмом. После Французской революции разные аспекты республиканизма начинают усваиваться новыми большими идеологиями XIX века — либерализмом, национализмом, социализмом. Если либерализму оказался в первую очередь близок республиканский акцент «на значимости представительных институтов власти» (с. 410), то национализм апроприировал республиканский патриотизм.

На этом фоне разворачивалась и история русского республиканизма того времени. Велижев рассматривает три сложившихся подхода к его изучению. Первый — это интерпретация республиканизма как автономного политического языка, который значительно уступал по влиянию провиденциалистской легитимации монархии, был связан с попытками конституционных реформ и разрабатывался в описаниях древнего Новгорода. Второй подход понимает республиканизм как политическую доктрину, которую в первую очередь можно обнаружить в некоторых программных документах декабристов. Наконец, третий — видит в республиканизме «определенный тип бытового поведения, ориентированный на образцы античной добродетели» (с. 451–452); в свою очередь, это «предполагает чрезвычайно развитое состояние публичной сферы» (с. 457), что являлось проблематичным для России того времени. Подробно охарактеризовав параллельное развитие республиканизма во Франции и Германии, исследователь приходит к выводу о слабости русской республикан-

ской традиции, не нашедшей выражения ни в значимых политических сочинениях, ни в социальных институтах, ни тем более в программах каких-либо партий или движений. Более того, если в Западной Европе республиканизм уже в 1830-х годах начинает смешиваться с социалистическими учениями, то в России после восстания декабристов он остается под запретом на протяжении всего николаевского царствования, во время которого в публичном пространстве тотально доминирует язык официального национализма. Все это не позволяет рассматривать русский республиканизм как автономную политическую идиому. В нем следует видеть «язык, вступающий в интенсивное взаимодействие с другими типами политической речи в разных политических обстоятельствах» (с. 481). Велижев иллюстрирует это положение рассказом о том, как Петр Чаадаев, весьма далекий от республиканизма, обратился к специфической английской традиции христианского республиканизма в «Апологии безумного», совместив самозащиту с верноподданническим монархическим дискурсом. Вслед за этим ученый демонстрирует, как в эпоху Николая в официальной речи республиканизм, как и либерализм, последовательно отождествлялся с революционными намерениями. Республиканизм в России первой половины XIX века не стал самостоятельной теорией или практикой, однако это «не должно мешать нам изучать разнообразные модусы существования республиканского языка, циркулировавшего в том числе внутри либерального, националистического или социалистического дискурса» (с. 505).

В седьмой главе Алексей Миллер описывает историю понятия «нация» в Российской империи. Это слово проникает в русский язык еще в XVIII веке и используется в том числе Денисом Фонвизиним для обозначения дворянской корпорации «как источника легитимной власти монарха» (с. 512). Начиная с Французской революции, понятие нации, наделенной суверенитетом, было тесно связано с вопросами конституции и представительства. Именно в этой точке история этого понятия пересекается с проблематикой республиканизма (что, впрочем, в тексте эксплицитно не проговаривается). В первой половине XIX века понятия нация/национальность и народ/народность использовались и в языке официальных реформаторов александровского царствования, и у декабристов (в проекте радикальной ассимиляторской унификации империи у Павла Пестеля).

При Николае «народность», один из элементов уваровской триады, не столько переводит на другой политический язык, сколько вытесняет нагруженную революционными и либеральными коннотациями «нацию». Во второй половине века это понятие возвращается в публичную сферу, фигурируя в дискуссиях об устройстве империи и отношениях России и Европы и постепенно переходя из либерального в правый (собственно «националистический») дискурс.

Отправной точкой для исследования Кирилла Соловьева в следующей главе сборника служит тезис о гетерогенном устройстве Российской империи второй половины XIX — начала XX века: ни абсолютная власть царя во всей ее театральности, ни сосуществующая с ней бюрократическая рациональность современного государства при всех своих претензиях на тотальность не были способны охватить то «разнообразие правовых регистров» и «множество социумов» (с. 557), из которых складывалась страна. Эти напряжения и зазоры во многом определили и направление политической рефлексии того времени. Так, Александр Герцен противопоставлял чрезвычайной власти самодержавия республику, тесно связанную с «земским принципом» (с. 561). Низовые формы кооперации должны были прийти на смену государству, согласно народническим идеям. С другой стороны, неославянофилы начала XX века разработали целую серию проектов по сближению самодержавия с народом через учреждение законсовещательного Земского собора или другие формы самоуправления, которые должны были противостоять бюрократическому аппарату государства. Примерно в это же время Владимир Соловьев продумывает модель христианского государства, в котором власть «должна следовать нравственному императиву, общепризнанному для любого христианина» (с. 585). Среди представителей власти и общественности бытовали разные точки зрения на соотношение бюрократии и форм самоуправления: в них видели как непримиримых врагов, так и союзников в общем деле. Сложное взаимодействие этих двух инстанций продолжилось и в Думе, которую иногда надеялись превратить в аналог английского парламента. Все это время собственно республиканская мысль и соответствующий понятийный аппарат находились на периферии общественных дискуссий и заняли в них центральное место только после Февральской революции,

когда были предприняты попытки вообразить контуры будущей республики и появились кратковременные надежды на спонтанное возникновение нового политического порядка.

К смежным сюжетам обращается в девятой главе книги Сергей Новосельский. Исследователь рассматривает циркулировавшие в 1905 году и сменявшие друг друга проекты созыва Земского собора, обновления Государственного совета через включение в его состав выборных членов, создания Думы и вообще разнообразного реформирования страны. По мере нарастания революционного кризиса консервативному крылу власти приходилось идти на все большие уступки общественному мнению, предоставляя населению гражданские свободы. Эта динамика отношений власти и общества прочитывается Новосельским через теоретическую рамку республиканизма в изложении Филипа Петтита: «идеи, вызывавшие нескрываемое одобрение в среде высшей столичной бюрократии и всецело разделявшиеся политически активной частью общества, были весьма созвучны» (с. 615) тем абстрактным политическим принципам, которые формулирует современный философ.

Книга завершается монументальной главой о советском и постсоветском республиканизме под авторством Андрея Медушевского. Исследователь подробно характеризует конструкции проектировавшихся и принятых конституций советской России, СССР и РФ: противоречивые политико-правовые основания большевистского республиканизма; сложное сочетание конфедерализма, федерализма и унитаризма, в том числе в вопросах сочетания республиканского и федерального гражданства и бюджета; оформление сталинской конституции 1936 года, сочетавшей видимость демократии с реальностью однопартийной диктатуры; оттепельные планы новой конституции и появление конституции 1977 года, закрепившей в 6-й статье «руководящую роль партии»; перестроечный переход к президентской республике; наконец, суперпрезидентская конституция РФ 1993 года и постепенный переход к «плебисцитарному авторитаризму» в наши дни (хронологически последнее упоминаемое событие — поправки 2020 года). Фоном этого анализа оказываются предельно общие характеристики социальной и политической истории описываемого периода: рассуждения о «сохранении общинных стереотипов в тради-

ционалистском сознании» (с. 682) и сталинской «светской теократии» (с. 715) или сетования на «устойчивость и непреодоленный характер коммунистических (вообще коллективистских) стереотипов во всех значимых сферах жизни» современной России (с. 786). В финале работы выражается теперь звучащая совсем уж наивно надежда на оживление республиканской традиции через сотрудничество гражданского общества с «частью мыслящей бюрократии» (с. 800).

Можно видеть, что в сборник вошли работы, значительно отличающиеся друг от друга не только по материалу, но и по методам: вдумчивое толкование фрагментов классических текстов или анализ юридических конструкций соседствуют с опытами разработки истории понятий, разными изводами истории политических языков и прочтениями конкретных исторических сюжетов через оптику абстрагирующей политической философии. Очевидно, что все эти главы не складываются в цельную историю русского республиканизма. Так, значимыми лакунами оказываются, например, левая рефлексия о республике (как дореволюционная, так и советская), а также республиканская риторика диссидентов или роль этого языка в перестроечную и раннюю постсоветскую эпоху. Дело, однако, не в тех или иных неосвещенных сюжетах: странно было бы требовать достижения какой-либо эмпирической «полноты». Гораздо более важным упущением следует считать отсутствие в сборнике какой-либо общей концептуальной рамки, функцию которой не выполняет довольно краткое введение. Едва ли удалось бы привести подходы разных авторов к общему знаменателю, но можно было бы эксплицировать сами зазоры между ними. Кроме того, в текстах сборника встречаются элементы продуктивной методологической рефлексии (в первую очередь у Михаила Велижева, а также Кирилла Соловьева и Константина Ерусалимского). Введение их на уровень обобщения, надстраивающегося над разборами отдельных случаев, позволило бы сформулировать ряд вопросов, фундаментальных для проекта изучения республиканской традиции в России: о содержании самого понятия республиканизма, о проблемном соотношении исторических дискурсов и практик (языка источника) и моделей политической философии (языка исследователя), о несовпадении гетерогенного общества и его гомогенной государственной кодификации и т. д. Проговаривание этих дилемм не применительно к конкретному

материалу, а на уровне возможного обобщения — оправдало бы претензию сборника на статус коллективной монографии и привело бы к концептуальной разметке пространства для последующих работ. Пока же, к сожалению, все теоретические обобщения оставлены на долю самих читателей книги.

DOI: 10.58186/2782-3660-2022-2-5-41-50